

МОЕ ВОИНСКОЕ ЗВАНИЕ — АКТЕР

Он никогда не считал сыгранных ролей. Потому что знал: важно не количество, а качество. С самого начала. Кто мог представить пятьдесят лет назад, что дебютная роль учителя танцев на сцене Театра Красной Армии (который потом стал именоваться ЦТСА, а ныне — ТРА) станет для него творческой визитной карточкой. Более тысячи раз (!) превращался Владимир Зельдин в темпераментного испанца. Спектакль шел многие годы с триумфальным успехом. А сколько других ролей — и классического, и современного репертуара — сыграл, спел, станцевал за эти годы замечательный, поистине народный артист Владимир Зельдин, которому вчера исполнилось восемьдесят лет и который только что с блеском отыграл премьеру — спектакль «Загнанная лошадь» по пьесе Ф. Саган.

— Владимир Михайлович! Если бы заново выбирать профессию — стали бы актером?

— В детстве я учился в воензированной школе на Воронцовской улице Москвы. У нас майор Хлевинский так всех увлек военным делом! Классы превратились во взводы и роты — мы даже участвовали в параде на Красной площади. Мы были настолько увлечены, что после школы я решил стать морским офицером, поступал в военно-морскую школу. Не прошел по зрению...

Но еще до этого мечтал танцевать: даже пробовал поступать в хореографическое училище при Большом театре. Отец помешал. Мне сказали, что сердце слабое — это сейчас, конечно, слышать смешно: сколько я «Учителя танцев» пропахал! А тогда для меня это была большая трагедия. И вот как-то шел по Москве и увидел объявление о наборе в театральное училище при Театре им. МГСПС (нынешнем Моссовета). Им руководил тогда замечательный режиссер Евсей Любимов-Ланской, остро чувствующий современность. В этом театре шли тогда спектакли «Чапаев», «Мятеж», «Рельсы гудят», «Шторм»... Работали великолепные актеры — Ванин, Берснев, Мордвинов, Гиацинтова, Давидович... У них и учился...

— Почему все-таки ваш «Учитель танцев» имел такой бешеный успех — и долгие годы?

— Вспомните время — тяжелое, послевоенное... Кончилась война, люди истосковались по хорошей музыке, по красоте, по любви. И вот на сцене великолепные декорации, яркие костюмы, чудесная музыка Крейна. И главное, замечательная режиссура Владимира Канцеля. Он потом ставил и Бальзака, и Тургенева, и Фаста... Очень интересный режиссер, блистательный актер. С ним было безумно интересно работать. «Учитель танцев» стал для него ступенькой режиссерского мастерства. И сегодня мне кажется, что этот спектакль можно рассматривать как эталон режиссерского искусства.

— Многие считают сцену Театра армии слишком большой и неудобной для артиста... А вы?

— Конечно, она трудная. Это огромная сцена, которую нужно суметь освоить. Ею нужно уметь пользоваться — и режиссеру-постановщику, и актерам, чтобы зритель вас слышал. А ведь у голосовых связок, выразительности жеста есть определенный предел — на стадионе «Динамо», например, вы увидите с трибуны не актера, а маленькую фигурку...

Думаю, что наша сцена предрасположена к яркой театральной форме. Здесь должны идти музыкальные спектакли, может быть, мюзиклы. И оформить ее можно так, что она покажется даже маленькой. Я привык к своей сцене, хотя и понимаю, что для актера идеальной была бы сцена много театра или старого МХАТа. Но в «Учителе танцев» я, к примеру, пою без микрофона. Меня отовсюду слышно. Есть и свои актерские приемы — проработав на этой сцене много лет, мы приспособились.

— Владимир Михайлович, вы играли на этой сцене и современные роли, связанные со спецификой армейского театра, и классику — того же Шекспира. К чему все-таки душа больше лежала?

— Я с удовольствием играл и то, и другое — и «Комедию ошибок», и «Генерального консула», и «За тех, кто в море». Не могу сказать, что мне это создавало какие-то архитектурные

или внутренние конфликты. Конечно, армейская тематика требует изучения. Театр наш отличался еще и тем, что актеры, играющие военных, удивительно достоверны. Такое впечатление, что на сцену выходит не артист, а действительно старший лейтенант или полковник, рядовой или майор. А дело в том, что все мы часто ездили по округам, воинским частям, встречались с солдатами и офицерами. Подсматривали характер в жизни и затем уже переносили его на сцену.

— Кстати, какое воинское звание у вас?

— На сцене я играл и рядовых, и фельдмаршалов. А в жизни мое воинское звание — актер. Хотя в юности служил в высшей пограничной школе — играл на трубе в оркестре Николаевского.

— Как принимали артистов театра зрители-военные?

— Очень хорошо. При жизни Алексея Дмитриевича Попова (тогда я пришел в театр) нормой нашей жизни были летние выезды в армию со спектаклями — небольшими, несложными по световому и декорационному оснащению. Играли на открытых сценах, площадках, двух-, трехтысячной аудитории. Эти спектакли имели большой успех. Это было важно с воспитательной стороны — Театр Красной Армии приехал в армию. Мы ведь в лагерях жили по месяцу-два...

— И вам это нравилось?

— А как же! Что вы! Это же так интересно! Совершенно другая обстановка, другое общение. К тому же мы играли не только спектакли, но давали концерты. Ведь актеры нашего театра могут составить совершенно великолепную разнообразную программу — Нина Сазонова, Алина Покровская, Ольга Богданова, Федор Чеханков...

— А в кино — кто из режиссеров больше всех запомнился?

— Самое яркое впечатление последних лет — Андрон Кончаловский, у которого я в «Дяде Ване» играл Себрякова. Это этап. Новая возраст-

ная роль, тем более что собралась потрясающая компания — Смоктуновский, Бондарчук, Мирошниченко, Купченко, Пастухов... Очаровательный, интеллигентный режиссер, умница, умеет привлекать людей, работать с актерами. Это счастье — встретить в своей жизни таких людей.

Когда же я еще становился как актер — встретил Ивана Александровича Пырьева. Это был необыкновен-

но театр театру рознь. Возникло много студий, мастерских. Настоящий ли это театр? Сомневаюсь. Театр — это Марк Захаров, Андрей Гончаров, Галина Волчек, Костя Райкин, Малый, МХАТ. Вот вам театр.

— А артист Зельдин посещает другие театры? Я знаю, многим актерам совершенно не до того...

— Я хожу. Это нужно обязательно — знать уровень исполнительского мастерства, режиссерской работы. Нельзя вариться в собственном соку. Это просто катастрофично. Нужно ходить, а как же!

— Владимир Михайлович, а как с молодежью работаете?

— В «Загнанной лошади», моей последней работе по пьесе Франсуазы Саган, я встретился с людьми другого поколения — молодыми, энергичными, талантливыми. Это замечательный режиссер из Белоруссии Николай Пинигин (надеюсь, что он останется работать в нашем театре), молодые актеры Сергей Данилевич, Артем Каменский, Оля Толстенькая, Аlesia Богарт. Я получаю от общения с ними просто наслаждение.

— Владимир Михайлович, поделитесь секретом молодости.

— Никаких секретов нет. Во-первых, не пью и не курю. В молодости занимался спортом, особенно конным. Есть даже у меня диплом воровского всадника. Бассейн, водные лыжи, теннис. Ведь для «Учителя танцев» нужно было держать форму — не задыхаться после танцев.

А вообще я верю в судьбу. Такое ощущение, что кто-то меня охраняет. Поэтому и театр стал моим домом, и вся моя жизнь — в работе, в движении. Пока есть силы. Хотя перед премьерой «Загнанной лошади» темп был чудовищный. Съемки (передача «Неизвестное об известном» выйдет в эфир по РТВ 11 февраля), репетиции, спектакль... Очень помогает в жизни моя жена, замечательная Иветта Капралова, с которой я прожил тридцать лет.

— Но сейчас настроение у именинника праздничное?

— Сейчас, пожалуй, да. Но вообще-то оно разное бывает. Прожив большую жизнь, я потерял много близких людей, друзей, которых мне не хватает. И коллег, с которыми нас связывали и общие взгляды, интересы. Поэтому иногда вдруг чувствуешь себя одиноким. Но ведь человек и идет по жизни один.

— Наконец, что впереди?

— Конечно, работа. Николай Губенко пригласил на роль князя в «Дядюшкином сне» по Достоевскому. Мне это интересно. Еще — гастроли в мае артистов оперетты и нашего театра по Соединенным Штатам. Так что рано жить воспоминаниями...

Беседу вел
Наталья БОБРОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Загнанная лошадь».
Фото Александра ИВАНИШИНА.

ный человек. Время-то было непростое, но было тогда и много хорошего. Нельзя это зачеркивать. Пырьев — смелый, темпераментный режиссер, который к каждой своей работе относился как к последней. Он не терпел никаких компромиссов.

Фильм «Свинарка и пастух» мы начинали снимать в мирное время, а заканчивали уже в военное. Это — реальная сказка, музыкальная история любви. Смотришь картину — и рождаются в душе добрые чувства, можно улыбнуться, можно отдохнуть.

И еще — это фильм о дружбе горца с девушкой из северной деревни. В то давнее время мы были сплочены воедино для единой цели, ради победы. И это несмотря на то, что тогда гибли люди. Как ни странно, мы были едины и даже счастливы. Не было даже мыслей о каком-то национальном противостоянии. Я дружу с Махмудом Эсамбаевым, чеченцем, так он говорит: «Мы все русские люди». Чеченец, грузин, армянин, таджик, узбек — нас, людей искусства, невозможно разьединить. Пусть политики это знают. Национальная вражда чужда нашей артистической природе.

— В обществе сегодня многое поменялось, как и отношение к театру...

— Конечно, вкусы со временем меняются, но ведь люди сейчас просто боятся ходить в театр! Поздно возвращаться домой не всякий решится. Я, например, после спектакля гуляю еще со своими собаками — беспородным дворянином Борисом, которого подобрал еще щенком, и терьером Диной. И без всякого оружия — как защищаться в свои восемьдесят?

И еще — человек с работы приходит уставший. Ему удобней надеть пижаму и сесть перед телевизором, чем ехать куда-то на общественном транспорте, платить за билет большие деньги. Это тоже имеет большое значение.

— Но сейчас тем не менее в Москве около трехсот театров, а десять лет назад было около тридцати...

— И это естественно. В Нью-Йорке сколько театров на одном Бродвее?